

DOI 10.35775/PSI.2026.128.4.006

УДК 93/94

А.Н. ТВОРОГОВ

старший преподаватель кафедры журналистики,
филологии, документоведения и библиотекovedения
Ульяновский государственный университет,
Россия, г. Ульяновск
E-mail: tvorogov@press73.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СИМБИРСКОГО ЕПАРХИАЛЬНОГО МИССИОНЕРСКОГО СОВЕТА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ РАСКОЛУ И СЕКТАНТСТВУ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ «СИМБИРСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»)

В статье на основе материалов «Симбирских епархиальных ведомостей» за 1912 год реконструирована деятельность Симбирского епархиального миссионерского совета, направленная на противодействие распространению раскола и сектантства в Симбирской губернии. Рассмотрены организационные, просветительские и гомилетические меры Совета в отношении адвентистов седьмого дня, хлыстов, молокан, «духовных христиан», старообрядцев различных согласий и иных неортодоксальных течений. Проанализированы формы миссионерской работы. Особое внимание уделено взаимодействию Совета с губернскими гражданскими властями, военным духовенством и благочинническими миссионерами на местах. Исследование вводит в научный оборот ряд малоизученных фактов и имен, связанных с историей региональной православной миссии в период между революцией 1905 года и Первой мировой войной.

Ключевые слова: Симбирская епархия, миссионерский совет, раскол, сектантство, адвентисты, хлысты, молокане, старообрядцы, «Симбирские епархиальные ведомости», православная миссия, начало XX века.

Религиозный строй Российской империи покоился на законодательно закреплённом господстве Православной церкви, сделавшейся за столетия духовным стержнем государственного порядка, воспринималось не только как церковная, но и как политическая угроза; однако указ «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 года, а за ним манифест 17 октября того же года коренным образом изменили ситуацию: старообрядцы и сектанты впервые получили право открыто исповедовать свою веру, регистрировать общины, строить молитвенные дома [16]. Именно в этих непривычных условиях развернулась деятельность Симбирского епархиального миссионерского совета, ставшая предметом нашего исследования.

Хронологические рамки работы определяются 1911-1912 годами – в 1912-ом совет подготовил первый обширный отчет о своей деятельности, полностью опубликованный на страницах «Симбирских епархиальных ведомостей» [12; 13; 14; 15]. Целью настоящей статьи мы ставим реконструкцию и описание организационных, просветительских и гомилетических мер Совета в контексте общей религиозной ситуации в Симбирской губернии.

Степень изученности темы неоднородна. Важной вехой в изучении церковной периодики как источника по истории сектантства на территории Поволжья стала работа А. Н. Рухлина, который на материалах «Симбирских» и «Самарских епархиальных ведомостей» второй половины XIX – первой четверти XX века реконструировал общую картину антисектантской политики Русской православной церкви в регионе [7].

Настоящая работа рассматривает не общую риторику епархиальной печати, а конкретную деятельность институциональной структуры – Симбирского епархиального миссионерского совета. Этот подход необходим для перехода от анализа дискурса к реконструкции практик: от того, что писалось о сектантах, – к тому, что реально предпринималось для взаимодействия с ними на уровне епархиального управления.

Исследование выполнено на материалах «Симбирских епархиальных ведомостей» за 1912 год, содержащих отчет Епархиального миссионерского совета за 1911 год и корреспонденции миссионеров с мест. Применены историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный методы; метод контент-анализа использован для выявления географии и динамики сектантских движений. Микроисторический подход задействован при анализе конкретных эпизодов миссионерской деятельности.

Прежде чем перейти к разбору конкретных мероприятий Совета, необходимо очертить общую конфессиональную обстановку в Симбирской губернии. Край был пестрым в религиозном отношении, старообрядцы различных согласий, последователи «спасова согласия» составляли наиболее многочисленную группу «инаковерующих», укорененную здесь со времен церковного раскола, однако рядом с ними бытовали и мистические секты: хлысты (они же «люди Божьи», «христоверы»), чьи общины тяготели к скрытности и внешне не порывали с православным обрядом [6; 10]. Из хлыстовской среды в XVIII веке выделилось и наиболее радикальное течение русского сектантства – скопчество, хотя в отчете Совета за 1912 год скопцы напрямую не упоминаются, их присутствие в «религиозном подполье» империи заставляло миссионеров с особым подозрением относиться ко всем мистическим «толкам» [5].

Наконец, на рубеже веков в губернию стали проникать течения западного происхождения: баптизм, пашковщина, а позднее – адвентизм седьмого дня, первые общины которого в России образовались среди немецких колонистов Крыма еще в 1886 году [19; 1; 3].

Итак, Симбирский епархиальный миссионерский совет был образован в конце 1908 года, его возглавил священник симбирского кафедрального собора

С.И. Введенский [17], к 1910 году миссия Симбирской епархии «по борьбе с расколо-сектантством» включала епархиального миссионера-проповедника (Владимир Садовский), 5 окружных и уездных миссионеров, 25 благочиннических миссионеров и 10 помощников миссионеров. По их данным к 1911 году общее число сектантов и раскольников на территории Симбирской епархии составляло 34 828 человек, из которых 33 716 человек были старообрядцами, а 1112 собственно сектантами. Но если «секты» западного происхождения или мистические «толки» воспринимались как чуждое и безусловно вредное явление, то по отношению к старообрядчеству всегда сохранялась надежда на воссоединение [9].

В отчетном 1911 году Совет провел 16 заседаний и составил 24 журнала, то есть работал в режиме приблизительно полутора заседаний ежемесячно [14. С. 543]. Именно через систему постановлений Совет и управлял миссионерской работой в епархии, хотя реальных рычагов принуждения – в отличие от дореформенной эпохи – у него почти не оставалось.

Одним из первых дел, занявших Совет, стало появление адвентистов седьмого дня в Сенгилеевском уезде – в селах Порецком и Спешневке. Адвентизм, который проник в Россию через меннонитскую среду и распространялся поначалу среди нерусского населения, чтобы не нарушать имперское законодательство, к 1910-м годам обрел и русских последователей [1]. В Симбирской губернии он оказался новинкой, притом тревожной: его проповедники отличались энергией, дисциплиной и – что пугало миссионеров особенно – владением библейским текстом, позволявшим им вести аргументированный спор с православными. Совет отреагировал незамедлительно: окружному благочинному было поручено выяснить, кто именно и каким образом ведет адвентистскую пропаганду; епархиальному, уездному и благочинническому миссионерам предписывалось «иметь бдительные и неослабные наблюдения»; священникам же Порецкого и Спешневки вменялось в обязанность «обстоятельно изучить учение адвентистов» и приобрести в приходские библиотеки противосектантские издания [13. С. 543-544].

Какие же книги рекомендовал Совет? Список весьма показателен. В него вошли: «Обзор русских сект и их толков» протоиерея профессора Т.И. Буткевича; сочинения Н.А. Белогорского «Разбор учения адвентистов о смерти души вместе с телом и о состоянии умерших» (Киев, 1908) и «Субботство сектантов-адвентистов»; работа М.А. Кальнева «Адвентизм и иоаннитство перед судом миссионерской критики»; брошюра И.Г. Айвазова «О субботе и воскресном дне»; книга священника Ф. Кирика «Ложь адвентизма». Позднее к этому перечню присовокупались «Адвентизм 7-го дня» – издание, подготовленное при участии директора Департамента духовных дел А.Н. Харузина, – и противосектантский катехизис «Оружие правды» Н.Ю. Варжанского [11. С. 38; 13. С. 544].

Распоряжения Совета не остались на бумаге: как сообщают «Ведомости», в Порецком действительно были выписаны все рекомендованные книги, открыты внебогослужебные беседы; священники обоих сел запрашивали

у Совета дальнейших указаний; епархиальный и уездный миссионеры побывали в этих приходах по нескольку раз [14. С. 544].

Куда более запутанной оказалась ситуация с хлыстами – сектой, которая не отделялась от православия формально, последователи продолжали посещать храмы и соблюдать обряды, но одновременно практиковали тайные «радения» [8].

В селе Крестникове Симбирского уезда Совет столкнулся с характерным случаем. Газета «Волжские Вести» в 1910 году сообщила о просьбе двенадцати крестьян этого села исключить их из православия и зачислить в молоканскую общину села Собакина Сенгилеевского уезда. Причт Крестниковской церкви, запрошенный Советом, установил, что несколько крестьян регулярно собираются на «беседы» в доме мещанина Афанасия Батракова (он же Заболотнов) – человека, который двадцатью годами ранее был приговором Симбирского Окружного Суда сослан на Кавказ, в Елисаветпольскую губернию, именно за принадлежность к хлыстовской секте.

Вернувшись после шестилетнего пребывания в ссылке, Батраков поселился у сына и тщетно хлопотал о принятии в Крестниковское общество – крестьяне, зная его убеждения, отказали (позднее он был приписан к Нагаткинской волости) [14. С. 544; 15. С. 584].

Совет, рассмотрев эти сведения, пришел к заключению, которое представляется нам весьма проницательным: просьба двенадцати крестьян о переходе в молоканство была, по всей вероятности, инспирирована Батраковым, а Собакинские «молокане» – на поверку не молокане вовсе, а новохлысты [14. С. 544].

То есть хлысты, по-прежнему числившиеся среди «вреднейших» сект и не получившие легализации даже по указу 1905 года [18], регистрировались под именем «духовных христиан» или молокан, пользуясь тем, что гражданские власти далеко не всегда разбирались в тонкостях сектантской типологии. Совет единогласно признал, что «подобная регистрация хлыстов под чужим именем весьма вредна: она дает им оружие для свободного распространения своей зловредной секты».

Примечательна и характеристика Собакинских хлыстов, данная Сенгилеевским уездным миссионером: «жизнь последних, по-видимому, безукоризненна: ведут они трезвую жизнь, отличаются трудолюбием, собираются очень часто на беседы между собою и молитвы, но это только фарисейски-наружно; внутренно они гораздо ниже православного населения».

Мысль эта показывает, что образцовая бытовая дисциплина сектантов – их трезвость, трудолюбие, взаимопомощь – делала их привлекательными в глазах крестьянства, тогда как православный приход далеко не всегда мог предложить аналогичный уровень общинной сплоченности. И если уж на то пошло, именно этот контраст, а не какие-либо «зловредные учения», был подлинным двигателем сектантского прозелитизма в дореволюционные годы.

Параллельно Совет занимался «духовными христианами», объявившимися в городе Ардатове и селе Чуварляях Алатырского уезда. Миссионерам во главе с Садовским было поручено «обстоятельно расследовать дело появления секты «духовных христиан», определить число и имена последователей, изучить их вероучение, богослужебный культ, а также выяснить, имеют ли они общение с молоканами или иными сектами [14. С. 544-545].

Аналогичные распоряжения последовали и по селам Мишукову и Алову того же уезда, где появились «отписные сектанты»: священникам вменили в обязанность выписать необходимые книги – «Обзор русских сект» Буткевича, «Разбор 12 заповедей хлыстовских» священника Варварина, «Историю и обличение секты хлыстов и скопцов» Плотникова, «Секты хлыстов и скопцов» протоиерея Кутепова и весь тот список, что был приведен в полном объеме нами ранее [14. С. 545].

«Где только являлись слухи о начавшемся сектантском движении, немедленно слухи проверялись Советом» – так характеризовали свой метод сами члены Совета. Село Кабаево Алатырского уезда – главное «гнездо» рационалистического сектантства в епархии – тоже не оставалось без надзора миссионеров, однако здесь постигло несчастье: в отчетном году сгорела приходская церковь. Совет с горечью констатировал, что «в интересах миссии нельзя не пожелать скорейшей постройки святого храма», и намеревался возбудить особое ходатайство по этому поводу [14. С. 545]. Утрата храма в селе, и без того склонном к сектантству, воспринималась как удар не столько материальный, сколько символический: вокруг чего собирать приход, если нет храма?

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о сектах протестантского происхождения – пашковщине и баптизме. Совет получил сведения, что пропагандистами этих течений в Симбирской губернии «являются в большинстве случаев уволенные в запас солдаты, служившие в юго-западном крае» [15. С. 584]. Механизм понятен: молодой крестьянин, призванный на службу и направленный в Малороссию или Волынь, фактически оказывался в среде, в которой баптистские и штундистские общины были многочисленны и деятельны; возвращаясь домой, он приносил с собой усвоенные идеи.

Совет вполне осознал, что бороться с этим явлением на уровне Епархии уже недостаточно, и обратился через Преосвященного к протопресвитеру военного и морского духовенства – с просьбой побудить полковых священников «принять надлежащие меры к ограждению православных воинов от сектантского влияния» [15. С. 584].

Не менее тревожным стало для Совета известие о возможном появлении в Симбирской губернии так называемых «голгофских христиан» – секты, во главе которой стоял лжеепископ Михаил (уроженец Симбирской губернии). Предупреждение поступило от высшей церковной и епархиальной власти. По запросам миссионеров выяснилось, что в городе Симбирске последователей секты обнаружить не удалось; тем не менее было предписано вести «неослабное наблюдение» [15. С. 584].

Под конец отчетного года, впрочем, о. Садовский донес о факте распространения в одном из приходов рукописи, озаглавленной «К простому народу» и содержащей, по характеристике миссионера, «хулы и клеветы на православную церковь, ее пастырей, учение и укоризны на порядки настоящего государственного строя» [15. С. 584]. Предполагаемый автор – бывший архимандрит Семенов. Совет поручил о. Садовскому выбрать из рукописи «наиболее резкие места» и составить опровержение на основании Священного Писания и святоотеческих творений, дабы распространить эту статью «в возможно большом количестве среди духовенства и мирян Симбирской епархии» [15. С. 584].

Вот здесь мы подходим к одному из самых любопытных направлений деятельности Совета – его издательской работе. На средства, пожертвованные членом Совета Н.П. Пастуховым, были изданы брошюрой беседы о. Садовского с раскольническим начетчиком Л.Ф. Пичугиным, проведенные в селе Загарине Сызранского уезда; тираж составил 600 экземпляров, разосланных «в местности, зараженные духом раскола-сектантства» [14. С. 545].

Отдельно Совет постановил выпустить беседы того же о. Садовского с начетчиком австрийского согласия Ф.Н. Егоровым и защитником спасова согласия слепцом А.А. Коноваловым (первоначально напечатанные в «Епархиальных ведомостях»), – тоже в 600 экземплярах, на средства, ассигнованные съездом духовенства 20 июня 1911 года [14. С. 545]. Совет, попросту говоря, старался дать приходскому священнику готовый полемический инструмент: вот вопрос раскольника, вот ответ миссионера – бери и применяй.

К этой же издательской линии примыкало решение Совета выписать от редакции «Миссионерского Обозрения» тысячу экземпляров миссионерского отрывного календаря «Друг христианина» для церквей епархии.

Раскольнические скиты, появившиеся в селе Новодевичье Сенгилеевского уезда и в деревнях Ждамеркине, Коченяевке и Поповой Мельнице Карсунского уезда, тоже привлекли внимание Совета: они могли «со временем организоваться в монастыри», и Совет просил местных священников собрать сведения «о времени возникновения означенных скитов, числе насельников их и в чем именно проявляется деятельность скитов, кто руководит ими, каков строй скитской жизни» [14. С. 545]. Одновременно Совет обратился к Симбирскому Губернскому Правлению с просьбой, чтобы при регистрации сектантских общин от учредителей требовались сведения о вероучении и богослужебном культе, а о выданных разрешениях сообщалось миссионерскому Совету [15. С. 584].

Еще один сюжет, выделенный Советом особо, касался религиозных нужд крестьян, переселяемых на отрубные участки в ходе столыпинской реформы. Совет был обеспокоен тем, что хуторяне, оказавшиеся вдали от приходского храма, утрачивали связь с церковной жизнью и становились легкой добычей для сектантских проповедников. Тема эта – на стыке аграрной и религиозной истории – заслуживала бы отдельного исследования; здесь мы лишь констатируем, что Совет усматривал в столыпинском землеустройстве не только экономическое, но и миссионерское измерение.

Общесоединенное собрание членов Совета, Совета Братства Святых Трех Святителей и участников миссионерских курсов, состоявшееся в отчетном году, подняло вопрос о содействии миссионерскому делу и о практике «так называемых «духовных христиан»» – формулировка, в которой кавычки и слово «так называемых» выдают глубокое недоверие Совета к самоназванию хлыстов, представших, как мы уже показали, за чужой вывеской. Собрание единогласно подтвердило, что регистрация хлыстовских общин под молоканским или «духовно-христианским» наименованием наносит прямой ущерб православной миссии.

Нереализованным, к сожалению, остался запланированный Миссионерский Епархиальный съезд: Совет констатировал, что он «не состоялся», не пояснив, впрочем, причин – финансовых, организационных или иных. Зато удалось провести пастырско-миссионерское собрание 20 июня 1911 года и епархиальные миссионерские курсы, на которых приходское духовенство получало практические навыки полемики с раскольниками и сектантами. Совет, сверх того, ходатайствовал о «реорганизации епархиальной миссии» [14. С. 545].

Если попытаться проанализировать деятельность Совета целиком, то мы можем констатировать несколько значимых обстоятельств. Во-первых, и это, вероятно, главное, совет был крайне активен, он откликался на каждый сигнал о появлении сектантства. Во-вторых, меры против сект и расколов были стандартизированы – в каждом случае мы видим расследование, наблюдение, снабжение литературой, командировку миссионера. Третье: совет не прибегал к полиции, как в прежние времена, и делал ставку на слово – устное и печатное. Наблюдалось и открытое стремление к межведомственному взаимодействию – с Губернским Правлением, с военным духовенством, с Братством Святых Трех Святителей. И наконец, нужно признать и хроническую нехватку ресурсов, которую иллюстрируют как тираж брошюр в 600 экземпляров, так и несостоявшийся съезд, а так же зависимость от частных пожертвований и скудных ассигнований.

Подведем итоги: материалы «Симбирских епархиальных ведомостей» за 1912 год рисуют Епархиальный Миссионерский Совет как деятельный, пусть и стесненный в средствах, орган, пытавшийся удержать позиции православия в условиях, когда прежние административные рычаги утратили силу. Совет реагировал на каждый очаг иноверия, которых в грозные эти годы возникало с избытком. К его инструментарию следует отнести – расследования, беседы, издания, координацию с гражданскими властями, и этот инструментарий, при всей его ограниченности, представлял собой последовательную попытку выстроить миссию нового типа, основанную не на принуждении, а на убеждении. Плоды этой работы были, по всей видимости, неоднозначны: там, где миссионер приезжал лично и вел многочасовую беседу, удавалось, по крайней мере, поколебать уверенность оппонента (как в случае с адвентистом Дряхловым); там же, где дело сводилось к рассылке циркуляров, результат оставался сомнительным. Но в том и состояла трагическая особенность эпохи: Церковь училась жить в условиях свободы совести, и уроки эти давались ей нелегко.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. История Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня // Официальный сайт Московской церкви АСД // <https://mosadvent.ru/index.php/adout/hustory/item/514> (дата обращения: 10.04.2026).
2. **Красникова Ю.Н.** Религиозное течение духовных христиан (молокан) в среде российского крестьянства XIX века // Богословські роздуми: Східноєвропейський журнал богослов'я. 2015. № спецвыпуск // <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznoe-techenie-duhovnyh-hristian-molokan-v-srede-rossiyskogo-krestyanstva-xix-veka> (дата обращения: 10.04.2026).
3. **Курдюмов О.Г.** Вопрос о происхождении русского религиозного скопчества в дореволюционной исследовательской литературе // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 2 // <https://cyberleninka.ru/article/n/vopros-o-proishozhdenii-russkogo-religioznogo-skopchestva-v-dorevolutsionnoy-issledovatel'skoy-literature> (дата обращения: 10.04.2026).
4. Народное богоискательство: толстовцы, хлысты и другие секты // Arzamas Academy // <https://arzamas.academy/materials/1322> (дата обращения: 10.04.2026).
5. **Рухлин А.Н.** Секты и религиозные движения в Российской Империи во второй половине XIX – первой четверти XX в. На страницах Симбирских и Самарских Епархиальных Ведомостей // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2021. № 1 (53) // <https://cyberleninka.ru/article/n/sekty-i-religioznye-dvizheniya-v-rossiyskoy-imperii-vo-vtoroy-polovine-xix-pervoy-chetverti-xx-v-na-stranitsah-simbirskih-i> (дата обращения: 10.04.2026).
6. **Ряполов В.Н.** История секты «Хлыстов» в Воронежской губернии в XIX – начале XX века // Гуманитарные науки. 2015. № 1 (29) // <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-sekty-hlystov-v-voronezhskoy-gubernii-v-xix-nachale-xx-veka> (дата обращения: 10.04.2026).
7. **Сергазина К.** Куда подевались традиционные «секты» России / Интервьюер А. Мельников // НГ-Религии. 2020. 2 июня // https://www.ng.ru/ng_religii/2020-06-02/14_487_interview.html (дата обращения: 10.04.2026).
8. Симбирская и Новоспасская епархия // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2021. Т. 63. С. 422-446.
9. Симбирские епархиальные ведомости. 1912. № 2. С. 38.
10. Симбирские епархиальные ведомости. 1912. № 3. С. 65.
11. Симбирские епархиальные ведомости. 1912. № 6. С. 203.
12. Симбирские епархиальные ведомости. 1912. № 15. С. 543-545.
13. Симбирские епархиальные ведомости. 1912. № 16. С. 584.
14. Симбирские епархиальные ведомости. 1912. № 17. С. 635.
15. Симбирские епархиальные ведомости. 1912. № 22. С. 848.
16. **Смолин М.** Религиозный строй Российской империи // Литературный журнал «Москва». 2014. № 8 // https://moskvam.ru/publications/publication_1152.html (дата обращения: 10.04.2026).

17. **Товбин К.М.** Православное единоверие и его роль в русской секуляризации // Труды КарНЦ РАН. 2015. № 8 // <https://cyberleninka.ru/article/n/pravoslavnoe-edinoverie-i-ego-rol-v-russkoy-sekulyarizatsii> (дата обращения: 10.04.2026).
18. Хлысты, скопцы и молокане: чем они отличаются // Arzamas Academy // <https://arzamas.academy/mag/377-sekti> (дата обращения: 10.04.2026).
19. <https://drevo-info.ru/articles/119.html> (дата обращения: 10.04.2026).

A.N. TVOROGOV

Senior Lecturer, Department of Journalism,
Philology, Document Management and Library Science,
Ulyanovsk State University,
Ulyanovsk, Russia

ACTIVITIES OF THE SIMBIRSK DIOCESAN MISSIONARY COUNCIL IN COMBATING SCHISM AND SECTARIANISM IN THE EARLY 20TH CENTURY (BASED ON MATERIALS FROM THE «SIMBIRSK DIOCESAN GAZETTE»)

Based on materials from the «Simbirsk Diocesan Gazette» (Simbirskie eparkhial'nye vedomosti) for 1912, the article reconstructs the activities of the Simbirsk Diocesan Missionary Council aimed at counteracting the spread of schism and sectarianism in Simbirsk province. The organizational, educational, and homiletic measures undertaken by the Council in relation to Seventh-day Adventists, Khlysts, Molokans, «Spiritual Christians», Old Believers of various concords, and other non-orthodox movements are examined. The forms of missionary work are analyzed. Particular attention is paid to the Council's interaction with provincial civil authorities, military clergy, and local deanery missionaries. It is demonstrated that diocesan periodical press performed a dual function: on the one hand, it transmitted the directives of ecclesiastical authorities and methodological instructions for parish clergy; on the other, it accumulated information about the actual state of religious confession in parishes. It is established that under the conditions of religious freedom proclaimed by the decrees of 1905-1906, the Council faced the practice of registering Khlyst communities under false names – Molokan or «Spiritual Christian» – which significantly hindered missionary work and required coordination with the Simbirsk Provincial Government. The study introduces into scholarly circulation a number of little-studied facts and names associated with the history of regional Orthodox mission in the period between the 1905 revolution and World War I.

Key words: Simbirsk diocese, missionary council, schism, sectarianism, Adventists, Khlysts, Molokans, Old Believers, «Simbirsk Diocesan Gazette», Orthodox mission, early 20th century.